

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

ШКАПА Е.С.

ассистент, кафедра романской филологии, Московский городской педагогический университет
E-mail: elena_shk89@mail.ru

SHKAPA E.S.

Assistant, Department of romance Philology, Moscow City University
E-mail: elena_shk89@mail.ru

**РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ Н.С. ЛЕСКОВА «ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ АНГЕЛ»
И ХРИСТИАНСКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ**

CHRISTMAS STORY BY NIKOLAI LESKOV "THE SEALED ANGEL" AND CHRISTIAN HYMNS

В работе рассматривается вопрос интертекстуальных связей рождественского рассказа Н.С. Лескова «Запечатленный ангел» с христианскими песнопениями, раскрывается содержательная функция христианских песнопений. Особое внимание обращается на интертекстуальность и интерпредметность как принципы построения лесковского рассказа.

Ключевые слова: Лесков, рождественский рассказ, христианские песнопения, претекст, интертекстуальность, интерпредметность.

This article examines the question of intertextual connections of the Christmas story by Nikolai Leskov «The Sealed angel» with Christian hymns, reveals a meaningful feature of the Christian chants. Particular attention is drawn to intertextuality and interpretatory as the principles of Leskov's story.

Keywords: Leskov, Christmas stories, Christian hymns, pretext, intertextuality, interpretatory.

В начале XXI в. в российском литературоведении тема святочных рассказов Н.С. Лескова по ряду причин становится особенно актуальной. В общественной жизни и литературе углубляется значение православных ценностей, все чаще происходит обращение к церковному календарю, в частности, к православным традициям, обычаям, праздникам. В науке повышается интерес к религиозно-философской проблематике и тематике художественной литературы, к отражению в ней православной картины мира. Святочные рассказы Лескова в этом отношении являются благодатным материалом.

Как справедливо замечает Н.Ю. Данилова, «возросший интерес к творчеству Н.С. Лескова в отечественном и зарубежном литературоведении, наблюдаемый с начала 90-х гг. XX в., с одной стороны, привел к появлению множества исследовательских работ о творчестве писателя, с другой же стороны, выявил неизученные вопросы» [4, с. 3]. Так, в тени оказались вопросы исследования интертекстуальности произведений Н.С. Лескова, в частности, его святочных рассказов. Обращение к этой стороне его творчества позволяет выявить не только собственно литературный претекст, но и присутствие других аспектов церковного искусства: иконописи, музыки. Анализ содержательной функции христианских песнопений является задачей данной статьи.

В этом отношении, в первую очередь, обращают на себя внимание отрывки, названия, строки, отдельные слова из русских православных музыкальных источников. В «Запечатленном ангеле» особую художественную роль выполняет популярный на Руси в XVI-XVII вв. жанр христианских песнопений, переводящий библей-

скую книжность на народный язык, традиции которого восходят к первому рождественскому песнопению ангелов (Лк. 2, с. 13-14).

Для великорусских духовных стихов (псалм), переживших свое второе рождение в старообрядческой среде, характерным было смешение русского былинного эпоса с песенной лирикой. Духовные стихи и богослужения сопровождает духовная музыка, однако следует отметить, что русское православное пение – исключительно акапельное, словом воздается хвала Богу, музыка вторична и подчиняется поэтическому тексту. Вкрапления цитат из христианских песнопений в ткань повествования «Запечатленного ангела» символизируют верность древним фольклорным и христианским традициям простых русских людей и говорит об их духовности. Цитаты из русского православного пения, инкорпорированные в художественный текст повести, эксплицитны, автор не ставит цели скрыть их, и, оформляя графически на странице, часто использует такие маркеры, как кавычки. Как отмечает исследователь А.А. Хамина, «“претекст” обуславливает, но не порождает нового смысла «текста», представляющего главным образом его интерпретацию, повторное кодирование» [8, с. 3].

Главного строителя моста из «Запечатленного ангела» набожного англичанина Якова Яковлевича (скорее всего, приверженца англиканского вероучения) привлекало красивое пение староверов. О древлеправославии как о поэтичной, гармоничной религии для всех христианских конфессий говорит в самом начале своего повествования Марк Александров (Александрыч), рас-

сказчик чудесного случая: «Никому наша вера не мешала, а даже как будто еще многим по обычаю приходила и нравилась не только одним простым людям, которые к богочтителству по русскому образцу склонны, но и иноверам» [6: 326] (далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и номера страницы). Древнее благочестие, идущее от Христа и апостолов, открывало сердца людей. Вложенное в уста англичанина славословие Господу из великой ектеньи, которое он пробует воспроизвести, звучит как «*Богосподь и явися нам*» (4, с. 326).

Анализируемый фрагмент гласа [3, с. 61] не соответствует правилам графики и орфографии в «Запечатленном ангеле», но повторяет фонетическую транскрипцию, близкую к древнерусскому церковному пению – знаменному распеву, традиции которого соблюдаются старообрядцами. Архаичность старообрядчества подчеркивается также указанием на запись гласов древнерусскими музыкальными знаками – крюками, то есть посредством крюковой нотации, производной от нотации старовизантийской. Яков Яковлевич безуспешно стремится подчинить западной (пятистрочной) нотации запавшие ему в душу «ангелогласные» мелодии знаменного пения: как не пытался англичанин в традициях европейского христианского песнопения «*на ноту наше гласование замечать*» (4, с. 326), да «*только все это у него, разумеется, выходило на другой штыль, потому что этого пения, расположенного по крюкам новою западною нотою в совершенстве уловить невозможно*» (4, с. 326-327). ««Религиозные разности» <...> внутри православия» (по слову писателя) [5, с. 5], как утверждает Т.Б. Ильинская, связаны «с крайне существенной для Лескова идеей индивидуального духовного опыта» [Там же] и не чужды друг другу. Чуждыми же русскому православию Лесков считает западные направления христианства, вероятно, вследствие отличий русской этнокультуры и системы ценностей от западноевропейских, однако следует отметить, что при этом писатель с уважением и симпатией относится к верующим иных конфессий («иных вер»). Контекстуальная антонимия крюковой и пятилинейной нотации в «Запечатленном ангеле» эксплицирует данную оппозицию.

Через отсылку к стиху из 117 Псалма «*Богъ Господь, и явися намъ*» (Пс. 117:27) происходит смысловое расширение «Запечатленного ангела». Реминисцентное содержание заключено в теме стиха – пришествии Спасителя. Христианство знает два Христовых пришествия: то, которое случилось более 2000 лет назад, воплощение для спасения людей, и второе – восхождение в славу и величии в конце мира, до которого произойдет восхищение Церкви, когда впервые объединятся друг с другом все члены её и «на облаках» (1 Фес. 4, с. 17) соединятся со своим Главой. В желании Марка после «гостинок» у Памвы «воедино одушевиться со всею Русью» (4, с. 383) заключено авторское миропонимание о «всесветном единении во имя Христово» [2, с. 607], спасение человечества по Лескову заключается в объ-

единении религий, чтоб был единый «приход Творца-Вседержителя» (6, с. 375), а объединяющей религией является русское православие. В «Запечатленном ангеле» Богоявление происходит не во плоти, но через икону Ангела, образ предвестника Божьего. Ангел предвещал Рождество Спасителя: «... послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет» (Лк. 1, с. 26). Ангелы будут посланцами Господа в Его второе пришествие: «И тогда Он пошлет Ангелов Своих» (Мф. 13:27). Знаковая цепь событий в повести символизирует историю христианства от первого до второго пришествия Христа: «посрамление» («запечатление») и утрата иконы – уныние, ожидание бедствий артельщиками и их ослепление как эсхатологический признак – возвращение и распечатление иконы – единение верующих.

Десятая глава занимает центральное место в повествовании с композиционной и сюжетной точек зрения: именно в этой части происходит встреча с Памвой, благодаря которой внимательному читателю удастся постичь выраженную в произведении философскую мысль Н.С. Лескова о воссоединении верующих. Подходя к дому, Марк слышит приятный голос своего напарника Левонтия, поющего духовный стих «Плач Иосифа Прекраснаго егда продаша братия его во Египет» [1, с. 727-730] («Плач Иосифа и быть»):

«Кому повем печаль мою,
Кого призову ко рыданью.

Стих этот, если его изволите знать, и без того столь жалостный, что его спокойно слушать невозможно, а Левонтий его поет да сам плачет и рыдает, что

Продаша мя мои братия!

И плачет, и плачет он, воспевая, как видит гроб своей матери, <...>» (4, с. 356).

Этот отрывок, как и вся глава, получается очень концентрированный с точки зрения смысловой нагрузки. Во-первых, духовный стих задает определенную тональность. Во-вторых, подчеркивает смысловую и эмоциональную («тональную») связь данного фрагмента с песнопениями и то, что «Плач Иосифа», исполнявшийся «каликами переходжими», звучит во время хождений лесковских героев Марка и Левонтия в поисках изографа.

Исследования, посвященные вопросу интертекстуальности, сосредоточены преимущественно на собственно текстовом ее аспекте. В.Е. Хализев уточняет: «*словесным* реминисценциям ««одноприродны заимствования сюжетов, введение персонажей ранее созданных произведений, подражания, а также вольные переводы»» [7, с. 14]. Наряду со словесным аспектом анализа литературы, предложено выделять *предметный* (в широком смысле) [7]. В «Запечатленном ангеле» вместе с цитированием текста (интертекстуальностью) важным принципом в построении структуры рождественского рассказа является *интерпредметность*. Обратимся к сюжету духовного стиха, а также к тому, как он связан с событийной канвой повести. Сюжет «Плача Иосифа» восходит к Ветхому завету. Несмотря

на отсутствие прямых сюжетных соответствий, наблюдаются некоторые параллели. Темой духовного плача является горе об умершей матери. Молодой Левонтий обращается к Марку, спрашивая об образе Рахили:

- А знаешь ли ты, – говорит, – кто это наша мать, про которую тут поется?
- Рахиль, – отвечает.
- Нет, – говорит, – это в древности была Рахиль, а теперь это таинственно надо понимать.
- Как же, – спрашиваю, – таинственно?
- А так, – отвечает, – что это слово с преобразованием сказано (4: 357).

Рахиль, как известно, является не только ветхозаветным символом матери, умершей при рождении сына, но и матери, до конца переживающей, страдающей и заботящейся о судьбе своих детей. Таким образом, этот код помогает нам верно истолковать отношение автора к проблеме разделения Церкви, и Леонтий интуитивно это чувствует: «*Я это в сердце моем чувствую, что крестует бо ся Спас нас ради того, что мы его единими усты и единым сердцем не ищем*» (4, с. 357). Марк чувствует, что его семнадцатилетний напарник прав, однако остается запечатлен «суемудрием»: «*Я его пощунял, «какая там, говорю, благодать», а сам чувствую, что он меня правее, потому что он жаждет испытывать, а я чего не ведаю, то отвергаю, но упорствую на своем противлении и говорю ему самые пустяки*» (4, с. 357). Благодаря старцу Памве сначала происходит окончательное «распечатление» Левонтия, а позже – и Марка.

Искреннее, истинное вхождение в Церковь Левонтия, Марка, Луки противопоставляется формальному присоединению к господствующей церкви испугавшегося гнева артельщиков Пимена. Внимание читателя в повести смещается в область противопоставления истинной веры и формальной религиозности, о которых говорится в предыдущей главе.

Лесков, говоря о молитве духовной и молитве корыстной, молитве о прощении грехов и молитве о материальных благах, вновь обращается к православным песнопениям. В девятой главе повести в диалоге Марка с англичанином об ошибочной интерпретации духовно «незрелым» верующим молитвенного присут-

ствует отсылка к гласу из сугубой ектеньи: «Писание не всякому дано разуметь, а неразумевашему и в молитве бывает затмение: иной слышит глашение о «*великия и богатыя милости*» [3, с. 26] и сейчас полагает, что это о деньгах, и с алчностью кланяется» (4, с. 351).

Знаковый эпизод, когда в Спасово Рождество глава артельщиков Лука в непогоду готовится перейти по цепи с одного берега реки на другой, а старообрядцы по его приказу «заходят» катавасию «*Отверзу уста*» (4, с. 380), наделяется семантикой завершения описываемых в святочной повести событий. Катавасия «Отверзу уста моя» славит Матерь Божью и поется как в двенадцатые богородичные праздники (Введение во храм Пресвятой Богородицы, Благовещенье), так и в течение церковного года во второстепенные православные праздники в честь Её икон. В «Запечатленном ангеле» эта цитата из православного песнопения вызывает ассоциации не только с текстом, но и с иконой: с одной стороны, в песнопении старообрядцев звучит непосредственное обращение к Богородице, с другой стороны, в их молитве присутствует скрытая отсылка к упомянутой в начале повести иконе Владычицы. В финальной части «Запечатленного ангела» подобно тому, как спускаются с возвышенностей (клиросов) оба церковных хора и соединяются для пения катавасии, являющейся в православном богослужении заключительной частью песни канона, так символично сходятся старая и новая иконы Ангела, так через строящийся мост Заступница помогает старообрядцам в Рождество Христово осуществить переход и возвратиться к Матери-Церкви, преодолеть «разнобытие по вере» [5, с. 41].

Рассмотренные нами цитаты из христианских песнопений в «Запечатленном ангеле» находятся не в «сильной» позиции, то есть не вынесены в заглавие, эпиграф, начало или конец произведения. Но они поставлены автором в центр художественного мира повести и текстуально соотносятся с ее заглавием, что способствует усилению напряженности повествования, расширению смысла, дают своеобразный второй код, усиливающий или помогающий понять смысл произведения, подчинены логике развития событий. Именно поэтому для раскрытия авторского содержания произведения чрезвычайно важно знание читателем значений духовных стихов и богослужений.

Библиографический список

1. Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1079 с.
2. *Богатая К.П.* Н.С. Лесков о Достоевском (1880-е годы) / Литературное наследство. Т.86. Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. 790 с.
3. Всенощное бдение и Литургия: Разъяснение церковного богослужения. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. 288 с.
4. *Данилова Н.Ю.* Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова: на материале произведений 1860-1880-х гг. об иностранцах и инородцах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 30 с.
5. *Ильинская Т.Б.* Феномен «разноверия» в творчестве Н.С. Лескова: автореферат дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2010. 43 с.
6. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. Т. 4. М.: Гослитиздат, 1957. 556 с.
7. *Романова Г.И.* Мир эпического произведения как теоретико-литературная проблема. М.: НТЦ «Университетский», 2008. 220 с.
8. *Хамина А.А.* Творческое наследие В.Ф. Одоевского в аспекте интермедийного анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 23 с.

References

1. White sea of antiquity and spiritual songs: a Collection of A.V. Markov. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2002. 1079 p.
  2. *Bogaevskaya K.P.* N.S. Leskov about Dostoevsky (1880s) / Literary heritage. V. 86. F.M. Dostoevsky. New materials and research. Moscow: Nauka, 1973. 790 p.
  3. All-night vigil and divine Liturgy: An explanation of Church worship. Moscow: Publishing Council Of The Russian Orthodox, 2008. 288 p.
  4. *Danilova N.Y.* The dialogue of “their” and “alien” in the art world of Nikolai Leskov: based on the works 1860-1880s about the aliens and the foreigners. The author’s Candidate thesis in Philology. St. Petersburg, 2011. 30 p.
  5. *Ilyinskaya T.B.* The phenomenon of “resevere” in the works of Nikola Leskov. The author’s doctoral dissertation. St. Petersburg, 2010. 30 p.
  6. *Leskov N.S.* Collected works in 11 volumes. V. 4. Moscow: Goslitizdat. 556 p.
  7. *Romanova G.I.* The world of the epic works as a theoretical and literary problem. Moscow: NTC Universitetskiy. 2008. 220 p.
  8. *Haminova A.A.* The creative legacy of V.F. Odoevsky in the aspect of InterMedia analysis. The author’s Candidate thesis in Philology. Tomsk, 2011. 23 p.
-
-